

В деревне Шангу не было частной школы, да и в соседних деревнях тоже. Дети, хотевшие учиться, должны были идти в одну из частных школ в городке. Однако ежегодная плата за обучение была немалой, и в основном учебу могли позволить себе семьи с деньгами. Слишком бедные дети, попадая туда, неизбежно подвергались особому обращению. Скоро дети сами это понимали и не хотели учиться.

Помимо этого, кисти, чернила, бумага и тушечницы стоили недёшево, и для обычных семей это было тяжело.

Это не значит, что дети не были способны к учёбе. Просто хотели учиться, но не было возможности. Теперь, когда Лю Яоцин дал понять, что есть шанс, большинство жителей деревни привели своих детей. Были и подростки лет почти двадцать, и малыши нескольких лет, ещё ничего не понимающие.

Снаружи стоял шум, и Лю Яоцин не мог, как обычно, не спеша. Он быстро поел и вышел.

— На этот раз нужно всего десять детей, почему пришло так много? — с безнадёжностью сказал Лю Яоцин.

Чжэцзы-гэ держал в руках просто сшитую тетрадь и угольный карандаш. Увидев людей снаружи, он улыбнулся:

— Наверное, думают, что у Цин-гэра доброе сердце, и он обязательно выберет их ребёнка.

— Хе, я и правда добрый, но сколько сказал, столько и возьму, больше нельзя, — Лю Яоцин слегка покачал головой, вышел вперёд, прочистил горло и громко произнёс:

— Сегодня детей пришло много, но мне нужно всего десять. Встаньте в очередь по порядку, я поговорю с ребёнком и сразу решу.

Мужчина, стоявший впереди всех, пришёл ещё до рассвета. Услышав слова Лю Яоцина, он совсем ничего не понял.

— Подойди-ка сюда, паренек, — Лю Яоцин поманил гэра, стоявшего рядом с женщиной.

Паренек с волнением подошёл и тихо сказал:

— Цин-гэр.

— Ну, скажи мне: у трёх кур и трёх кроликов сколько всего ног?

— ...

— А если я дам тебе сто монет, что ты больше всего захочешь сделать?

— Я хочу купить бабушке ткань и сшить ей тёплые туфли. Бабушкины туфли очень старые, в них не тепло, а я шью очень хорошо.

— Хорошо, оставайся, — кивнул Лю Яоцин. Этот паренек был не чувствителен к математике, но ум у него был живой, и самое ценное — это его отношение.

Следующий мальчик, шевеля руками и ногами, посчитал, сколько всего ног, но не успел ничего сказать, как Лю Яоцин улыбнулся и спросил:

— А если одна пачка лепёшек стоит двадцать две монеты, сколько будет стоить полторы пачки?

— ...

— Сейчас я даю тебе курицу. Как ты выберешь? Зарежешь и съешь или оставишь?

— Зарежу и съем...

Лю Яоцин улыбнулся и кивнул, но сразу не сказал, что берёт этого мальчика. Он хотел посмотреть на следующих.

Эти вопросы звучали просто, но ответить на них сходу было нелегко. Чжэцзы-гэ с тетрадью и угольным карандашом стоял рядом и записывал баллы, которые Лю Яоцин называл тихим голосом. Он не очень понимал, но записывал чрезвычайно earnestly.

Взрослые, пришедшие с детьми, слушали, как из уст Лю Яоцина вылетают вопросы, и все они были разными. Все были немного шокированы и чувствовали, что вопросы слишком сложные, но некоторых детей, которые не ответили, Лю Яоцин всё равно оставлял.

В задних рядах сидел Чай Ци. Он слушал вопросы Лю Яоцина и сам тайно отвечал на них, но обнаружил, что с математикой ещё ладно, а вот про куриц и деньги — что это за странные вопросы? И по какому критерию? Чай Ци смутно почувствовал что-то, но не мог уловить.

Лю Яоцин задал вопросы всем детям, кроме слишком старых и слишком маленьких. Подходящих оставил, всего двенадцать человек, возрастом от двенадцати до тринадцати лет, самому младшему было больше десяти — как раз для работы.

— Тех, кого не выбрали, не расстраивайтесь. Позже на горе будет открываться всё больше мастерских, и людей нужно будет больше, — Лю Яоцин увидел, что взрослые с детьми не уходят, некоторые всё ещё обдумывают его вопросы, улыбнулся и продолжил:

— Мои вопросы вы можете обдумать сами или обсудить с другими. Математика не сложная, но другие вопросы, я думаю, если вы подумаете, поймёте.

Сзади Чай Ци слушал и кивал. На математические вопросы он мог ответить, а на другие у него была смутная догадка, поэтому он громко сказал:

— Цин-гэр, это ведь вопросы для проверки характера ребёнка?

Удивившись, взглянул на Чай Ци: тот действительно был заурядным человеком. Лю Яоцин кивнул:

— Именно. Хотя не так точно, но направление верное. Представьте: ребёнок видит конфету и сразу её ест, не думая поделиться с другими. Если позже несколько детей застрянут в горах, и этот ребёнок съест конфету, что подумают остальные? Не станут ли они изолировать его?

— Я говорю только об одной стороне, человеческая природа сложна, сразу не скажешь. Да и не факт, что дети, которых я выбрал, обязательно хорошие, нужно смотреть, будут ли они в будущем хорошо стараться.

Поговорив, взрослые в деревне кое-что поняли, кое-что нет, но смысл уловили и ушли, ведя своих детей, то и дело задавая вопросы Лю Яоцина.

Эти взрослые сами обсуждали вопросы, и постепенно вопросы Лю Яоцина разошлись по

окрестностям. Когда люди говорили о Цин-гэре и деревне Шангу, они также с большим интересом обдумывали эти вещи.

Позже, когда деревня Шангу становилась всё известнее, эти вопросы тоже стали знаменитыми, чего Лю Яоцин не ожидал.

Выбранные дети были очень рады. Они знали, что будут, как Су Ци и другие, учиться у Цин-гэра делу, а ещё грамоте и учёту, и в будущем у них будет лучший выход, не нужно будет в земле копаться.

— Идёмте за мной на склад. Сегодня выдам вам одежду, обувь, шапки и фартуки. Вернувшись, сами нагрейте воды и помойтесь в бане, чтобы были чистыми. Завтра утром рано соберитесь у входа в мастерскую лепёшек, — Лю Яоцин шёл впереди, дети сзади, а замыкал Чжэцзы-гэ.

Раздав вещи и отправив детей вниз с горы, Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ пошли в дом делать вино из диких ягод. Сейчас Су Ци и другие не могли оторваться, а в виноделии посторонние помочь не могли, пришлось Лю Яоцину и Чжэцзы-гэ делать самим.

Возились до середины дня. Лю Яоцин не особо много сделал, но тело ноло, спина болела.

Чжэцзы-гэ присел у входа, спиной к Лю Яоцину, и улыбнулся:

— Цин-гэр, полезай ко мне на спину, я отнесу тебя есть.

— Да это всего несколько шагов, можно и дойти пешком, — сказал Лю Яоцин, но сам лёг на спину Чжэцзы-гэ, и тот медленно понёс его обратно.

Попалась неосторожная жирная дикая курица. Эр Хацзы и Хэйбэйцзы вместе схватили её: один за крыло, другой за ногу, и, радостно бегая, принесли Лю Яоцину.

Поймав курицу, Лю Яоцин пообещал двум собакам: каждой по крылу.

Вечером Ли-ши приготовила картофель с курицей способом, которому научил Лю Яоцин. Картофель пропитался соусом, курица была нежной, полную миску вывалили на стол, вид вызывал аппетит.

Взял маньтоу, разломил. Лю Яоцин съел меньшую половину, большую отдал Чжэцзы-гэ, сам специально брал картофель.

— Ешь немного мяса, — Чжэцзы-гэ снял куриную кожу себе, а мясо Лю Яоцину.

— Руки мамы всё лучше готовят, — Лю Яоцин съел несколько кусков мяса и поспешил высказать мнение. — Я уже поел, Чжэцзы-гэр, больше не накладывай.

— Съешь ещё кусок, — Чжэцзы-гэ действовал быстро, положив ещё кусок мяса к Лю Яоцину.

— Ладно, — Лю Яоцину пришлось съесть и этот.

Поев, Чжэцзы-гэ убрал со стола, и оба покатались на кан, всё так же в одном одеяле.

Лю Яоцин потянул ногой, толкнул что-то пушистое. Ногой вытянул это — оказалось, Мао Бай спит без задних ног. Сбросив его в сторону, Лю Яоцин сам залез под одеяло и подвинулся к Чжэцзы-гэ.

— До свадьбы ещё год, — с чувством сказал Чжэцзы-гэ.

— Я ещё мал, — хихикнул Лю Яоцин. — Кто же велел Чжэцзы-гэру быть старше.

Они шептались, болтали, было довольно весело.

В деревне у десятков с лишним семей ещё до рассвета было движение: кто воду грел, кто готовил, детей мыли в горячей воде, надевали единую одежду, выданную мастерской лепёшек, кормили горячей едой. Как раз рассвело — вышли из дома и пошли в гору.

В семье пятого дядюшки Лю вчера пришло несколько детей, выбрали только Шуйгэ. Сейчас он стоял у входа в мастерскую лепёшек с серьёзным личиком — пришёл первым.

<http://bllate.org/book/16688/1532165>